

УДК 327.7+341.4

НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗИДАНИЯ СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА – НЕПРЕЛОЖНЫЙ УРОК ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Керимов Александр Джангирович^{1,2,3},

д-р юрид. наук, профессор,

e-mail: 8017498@mail.ru,

¹Центр интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права
Российской академии наук, г. Москва, Россия

²Российский журнал правовых исследований, г. Москва, Россия

³Журнал «Вопросы российского и международного права», г. Ногинск, Россия

Автор выражает абсолютную, непоколебимую уверенность в том, что решающая роль в победе во Второй мировой войне принадлежит СССР. Он также убеждён, что и на нынешнем этапе исторического развития налицо многочисленные внешние угрозы самому существованию России. Поэтому в полный рост встаёт задача всемерного укрепления нашего Отечества, созидания сильного, могущественного государства. В работе определяются и описываются основные признаки такого государства.

Ключевые слова: война, фашизм, Советский Союз, власть, сильное государство, интеллигенция, идеология

THE NECESSITY OF CREATING A STRONG STATE – AN INDISPUTABLE LESSON OF THE SECOND WORLD WAR

Kerimov A.D.^{1,2,3},

doctor of law, professor,

e-mail: 8017498@mail.ru,

¹Center for Integrational and Civilizational Studies of the Institute of State and Law
of the Russian Academy, Moscow, Russia

²Russian Journal of Legal Studies, Moscow, Russia

³Journal Problems of Russian and International Law, Noginsk, Russia

The author expresses an absolute, unshakable confidence that the decisive role in the victory in the Second World War belongs to the USSR. He is also convinced that at the current stage of historical development there are numerous external threats to the very existence of Russia. Therefore, the task of all-round strengthening of our Fatherland, the creation of a strong, powerful state arises in full strength. The work identifies and describes the main features of such a state.

Keywords: war, fascism, the Soviet Union, power, a strong state, intelligentsia, ideology

DOI 10.21777/2587-9472-2020-4-39-46

Нюрнбергский процесс, значение которого в судьбе человечества поистине невозможно переоценить, явился закономерным итогом Второй мировой войны. Победа в этой самой страшной и масштабной войне в истории была одержана, в первую очередь, благодаря героическим, самоотверженным усилиям советских людей как в ходе ожесточённых и кровопролитных сражений, так и в результате титанического труда наших сограждан в тылу. Нет и не может быть ни малейших сомнений в том, что именно СССР выступил **главной силой**, сокрушившей фашизм и защитившей народы от тотального порабощения.

Очевидно, что добиться этого Советский Союз смог потому, что, безусловно, представлял собою могущественное, в полной мере дееспособное государство. Сегодня, как и в середине прошлого столетия, задача созидания **сильного государства**, его дальнейшего всестороннего укрепления остаётся столь же актуальной. Ведь по истечении 75 лет разнообразные и многочисленные внешние угрозы

поступательному, прогрессивному развитию нашего Отечества и даже самому его существованию отнюдь не исчезли и нисколько не ослабли. В связи с этим попытаемся ответить на принципиальный в данном контексте вопрос: каковы характерные черты, отличительные признаки сильного государства?

Прежде всего, таковым, как нам представляется, может быть признано лишь государство, обладающее **значительным властным потенциалом**. Это практически означает, что оно должно располагать достаточными материально-финансовыми, административными, военными, организационными, людскими, информационными, коммуникативными, технико-технологическими и прочими ресурсами, которые позволяли бы ему вырабатывать выверенный, научно-обоснованный политический курс и твёрдо, неуклонно и последовательно проводить его в жизнь, эффективно управлять, энергично воздействовать на общественные процессы, осуществлять на высоком профессиональном уровне нормотворчество и обеспечивать законность и правопорядок, отправлять контрольные функции и т.д., словом, в полном объёме реализовывать все без исключения принимаемые им властные решения.

Раскрывая содержание понятия «значительный властный потенциал», мы не случайно, в первую очередь, отметили необходимость в соответствующей материально-финансовой ресурсной базе. Совершенно ясно, что во все времена, но особенно сегодня, в условиях победившего капитализма, мирового господства рыночных отношений и соответствующей им идеологии, сильное государство помимо политической власти просто обязано иметь в своих руках и **власть экономическую, иными словами, быть богатым**. Богатство же создаётся лишь производительным трудом, а не финансовыми спекуляциями. Если государство не обладает экономической властью, то власть политическая с течением времени непременно будет утрачена. «Если государство не может взять верх над частными предприятиями, – справедливо отмечает видный английский философ, логик, математик и общественный деятель Б. Рассел (1872–1970), – оно становится их марионеткой, а те превращаются в реальное государство» [1]. Чтобы этого не произошло, государство, помимо прочего, и должно обладать существенными имуществом и денежными средствами, то есть быть богатым. Но для того, чтобы являться таковым, недостаточно своевременно и в полном объёме собирать налоги (условие, конечно же, необходимое, крайне важное, но всё же явно недостаточное). Для этого нужно ещё и быть собственником, притом собственником весьма крупным. Таким образом, сильное государство – это непременно владелец **внушительной доли средств производства**.

Значительный властный ресурс предполагает также, что государство и только оно по отношению к своим гражданам и на своей территории может применять силу. Другими словами, лишь сильному государству принадлежит фактическая **монополия на силу**, реально обеспеченное и притом исключительное право на использование соответствующих структур: армии, полиции, разведки, контрразведки, различного рода спецслужб и пр.

Здесь, однако, необходимо одно существенное уточнение. В формально-юридическом смысле, т.е. сугубо теоретически монополией на силу обладает любое, в том числе и недостаточно могущественное и даже очевидно слабое государство. На практике же, как подчёркивает выдающийся американский социолог и философ И. Валлерстайн (1930–2019), эта монополия довольно размыта, и чем слабее государство, тем размытей монополия [2]. Действительно, ведь во многих странах сила применяется и зачастую, к сожалению, весьма эффективно не только самим государством, но и многими другими разнообразными акторами, в том числе организациями и группами, имеющими полукриминальную или откровенно криминальную направленность. Кроме того, эти акторы действуют без какого бы то ни было официального разрешения со стороны государственно-властных структур. В некоторых сферах они порою успешно конкурируют с государством, заставляя его сдавать свои позиции, а иногда и ставя под угрозу само его существование.

Но когда речь идёт о сильном государстве ситуация оказывается в корне иной. Она характеризуется тем, что никто кроме него в лице создаваемых им названных выше и иных органов и институтов (вооружённые силы, подразделения министерства внутренних дел и т.д.) не только не вправе, но и не может в реальности, не в состоянии на деле применять силу. Сильное государство просто не позволяет этого делать (за исключением тех случаев, когда это допускает в соответствии со своими интересами само государство, строго на основании принимаемых в установленном законом порядке нормативно-правовых актов и под его жёстким и постоянным контролем).

Следующей отличительной чертой сильного государства в нашем понимании является достаточно **обширная сфера влияния** государственно-властных структур. «Государство, – верно подчеркивает отечественный исследователь В.А. Затонский, – отказывающееся от исполнения имманентно присущих ему функций, уходящее (путем прекращения регулирования) из тех сфер общества, откуда уходит оно не имеет права, становится слабым, недееспособным» [3]. Давно провозглашенный и, как ни парадоксально, до сих пор отстаиваемый наиболее рьяными сторонниками либерализма постулат: «Чем меньше государства, тем лучше» (требование, так называемого, «государства-минимум», «минимального» или «маленького государства», «государства – ночного сторожа»), в современных условиях оказывается совершенно неприемлемым.

Строго говоря, он неприемлем не только в современных условиях, а в принципе, на всем протяжении истории человечества (разумеется, со времен возникновения государственно-организованных социумов). В этой связи хотелось бы привести рассуждения видного советского и российского учёного, члена-корреспондента РАН Г.В. Мальцева (1935–2013), касающиеся роли государства в экономике, с которыми мы полностью солидарны и которые, на наш взгляд, вполне справедливы и в отношении его роли во многих других областях общественной жизнедеятельности. «Требование “государства должно быть как можно меньше” в качестве общего лозунга, – пишет он, – это типичное пустословие. Очевидно, что присутствие государства в различных секторах экономики не равномерно, а его регулирующее воздействие на эти сектора не может быть одинаковым: где-то его нет и не должно быть, где-то его много, но должно быть меньше, где-то его мало, но должно быть больше, словом, общей формулы тут не существует. Поэтому механическое урезывание экономических функций государства, равно как и произвольное их увеличение, неизбежно приводит реформаторов к крупным просчетам. Таких функций у государства должно быть не много и не мало, но столько, сколько нужно. Некоторые из них могут быть выполнены только государством» [4]. Здесь естественным образом возникают вопросы: какие экономические, да и не только экономические функции могут осуществляться исключительно государством, и что означает, столько, сколько нужно? Мы в данном случае вовсе не стремимся дать исчерпывающий, детальный ответ на эти, несомненно, важные и чрезвычайно сложные вопросы, а полагаем уместным ограничиться обозначением одной наиболее общей, но принципиальной позиции: функции органов сильного государства, т.е. такого государства, которое в современных условиях, именно сегодня, на нынешнем этапе исторического развития и необходимо человечеству, должны быть **обширны и разнообразны**, компетенция органов такого государства должна распространяться на весьма и весьма широкий круг вопросов, затрагивать в той или иной, зачастую значительной степени **многие области общественной жизнедеятельности**. Речь идет об обеспечении безопасности как всего государственно-организованного социума и его институтов, так и отдельных индивидов, макроэкономическом и финансовом регулировании, инициировании инновационных процессов в масштабах экономики страны, принятии протекционистских мер в отношении отечественного бизнеса и в более общем плане выработки и осуществлении некой защитной стратегии, противостоящей агрессивной экспансии наиболее развитых держав и мощных транснациональных корпораций, социальной защите населения, охране окружающей среды, образовании, здравоохранении и многом, многом другом.

Заметим, что мы в данном случае не совсем согласны с позицией известного американского философа и политолога японского происхождения Ф. Фукуямы, который, условно говоря, «разводит» понятия «сфера государственного влияния» и «сила государственной власти». Первое понятие, как считает исследователь, подразумевает, что «на правительство возлагаются различные функции и цели» [5]. Второе – означает «способность государства планировать и проводить политические курсы и обеспечивать следование законам, честно и открыто» [Там же]. По мнению Ф. Фукуямы, одна из ошибок в понимании государственности состоит в том, что термин «сила» зачастую используется в равной мере и в отношении того, что обычно обозначается как сфера влияния, и в отношении силы или мощи, как таковой [Там же]. Конечно же, данные понятия не тождественны. В этом, собственно, нет никаких сомнений. Однако, вместе с тем, нам представляется, что сила государственной власти естественным образом обеспечивается, в том числе, и достаточно широкой сферой влияния государственных институтов, а государство не может рассматриваться в качестве сильного и мощного, если оно не вправе распространять своё регулирующее и контролирующее воздействие на существенную часть общественных отношений.

Содержание понятия «сильное государство» этим, конечно же, не исчерпывается. Третий его признак, с нашей точки зрения, заключается в следующем. Современное государство должно не только иметь в своем распоряжении внушительный властный потенциал, характеризующийся наличием совокупности собственных сил, средств и возможностей, используемых для достижения намеченных целей, не только располагать весьма широкой сферой влияния, но и быть способным **организовывать, привлекать**, если угодно, **мобилизовывать** всё население, составляющие его социальные классы, слои и группы, а при необходимости и отдельных граждан для активного, осознанного и добровольного участия в решении возникающих общественно значимых проблем. Оно не вправе допустить, пользуясь выражением выдающегося отечественного учёного А.С. Панарина (1940–2003), «иссякание дефицитнейшей из всех космических энергий – человеческого энтузиазма» [6]. «Сильное государство, – отмечает В.А. Затонский, – это инициатор, вдохновитель и гарант созидательной деятельности» [3, с. 89]. Оно должно быть в состоянии умело, грамотно, искусно нацеливать, направлять, ориентировать деятельность разнообразных и, как правило, разрозненных институтов гражданского общества таким образом, чтобы отстаиваемые ими специфические, узкопрофессиональные, частные интересы ни в коей мере не противоречили интересам общественным, не входили в конфронтацию с ними, а напротив, дополняли и обогащали их, делая их более ёмкими, содержательными и насыщенными. Иными словами, оно должно пользоваться поддержкой и доверием большинства, желательного подавляющего большинства народа, твёрдо уверенного в правильности принимаемых господствующей элитой решений, справедливости и разумности проводимой ею политики, и воспринимающего существующие государственные органы и учреждения как абсолютно легитимные (вне зависимости от того, так ли обстоит дело в действительности или нет). А для этого необходима **власть над умами**, притом власть над умами, разумеется, не только достигнувших и успешных (они и так поддерживают правящую элиту), но и проигравших, обездоленных и потерпевших, переживающих нищету, бесправие, унижение и безысходность.

Таким образом, сильное государство характеризуется тем, что помимо власти политической и экономической оно располагает и значительной долей **власти духовной**. Власть политическая и экономическая всегда обречена оставаться неполной, как бы незавершённой, в связи с этим ущербной и, следовательно, непрочной, неустойчивой, недолговечной до тех пор, пока она не сумеет укрепить свои позиции путём достижения гегемонии в сфере духовной. «Духовную власть, – справедливо отмечает А.С. Панарин, – осуществляет интеллигенция: в прежние эпохи – церковная, сейчас преимущественно светская» [6]. При этом он особо подчеркивает то, с нашей точки зрения, чрезвычайно существенное обстоятельство, что первостепенное значение здесь имеет нравственное измерение, т.е. что интеллигенцию в данном случае следует рассматривать не только и не столько как обладательницу специальных знаний и профессиональных навыков, а прежде всего и главным образом как хранительницу рафинированной духовности и возвышенных устремлений. «Под интеллигенцией нельзя понимать носителей одних только высокоспециализированных функций, относящихся к эмпирическим заботам общества. Духовная власть – власть над умами – осуществляется не ими, а теми, целью которых является не функция, а воодушевление: кто озабочен проблемами высшего смысла и высших целей» [Там же]. Именно такие личности, на наш взгляд, представляют собой истинную интеллигенцию.

Конечно, в обществе больном, развращенном и безнравственном, насквозь пропитанном грубым, ничем не сдерживаемым утилитаризмом, чувствительным исключительно к конкретно-практическим нуждам и обретениям, властителями дум, законодателями мод и нравов, общепринятых правил поведения становятся субъекты, не имеющие к интеллигенции (тем более, таким образом понимаемой) ни малейшего отношения. Но как только общество выздоравливает, избавляется от недуга голого практицизма и исключительно гедонистической ориентированности, интеллигенция вновь обретает господствующее положение в духовной сфере. Небезынтересным и вполне обоснованным представляется в этой связи мнение российского философа и политолога Г.К. Ашина (1930–2011), полагающего, что «в иерархии элит первенство должно принадлежать не политической элите, но творцам новых культурных норм (не Цезарю и Наполеону, а Будде, Христу, Сократу, Канту)» [7]. Иными словами, наиболее ценной и значимой является творческая часть общества, можно сказать, высший слой интеллигенции.

Итак, чтобы быть по-настоящему сильным, государство в лице своей правящей элиты вынуждено привлекать на свою сторону **светскую и церковную интеллигенцию**. Здесь вспоминаются впол-

не разумные рассуждения видного итальянского экономиста и социолога XIX–XX столетий В. Парето (1848–1923): «Чтобы удержаться у власти, правящий класс использует индивидов из управляемого класса; их можно разделить на две категории согласно двум основным способам, посредством которых такая власть обеспечивает самосохранение. К первой категории принадлежат те, кто используют силу (наёмные убийцы, солдаты, агенты полиции и т.д.), ко второй относятся те, кто используют искусство убеждения и хитрость (политическая клиентела)» [8]. Само собой разумеется, что на роль политической клиентелы наилучшим образом подходят представители интеллигенции.

Иногда господствующему классу, в общем и целом, удаётся привлечь интеллигенцию на свою сторону. Хотя зачастую он, действуя грубо, неуклюже и неумело, терпит неудачу за неудачей и все его попытки на этом поприще оказываются тщетными. Отчего так происходит? Чем объясняется такое перманентное роковое «невезение»? По-видимому, не только тем, что во властвующей элите любого государственно-организованного социума, как правило, весьма ничтожно представительство наиболее интеллектуально развитых и нравственно безупречных его членов. Дело, по большому счету, в другом. Основная причина этого «невезения», этого своеобразного проклятья обладателей политической и экономической власти, безуспешно пытающихся «приручить» своих аналогов в сфере духовной, коренится в глубинных закономерностях и парадоксах исторического процесса, блестяще осмысленных и описанных А.С. Панариным. Со времени известного обособления, выделения на определенном этапе развития человечества духовной власти в качестве самостоятельной, возникают, по его мнению, «понятия высших целей, высшего долга, высшей справедливости – всего того, что выходит за рамки возможностей и забот политической власти (добавим: и экономической – *авт.*). Так в истории закладывается продукт общественного брожения: между целями, касающимися нормального функционирования общества (т.е. теми, коими озабочена власть политическая и экономическая – *примеч. авт.*) и **высшими целями** (выделено Панариным – *примеч. авт.*) появляется роковой зазор» [6]. Именно поэтому правящей элите нередко так трудно договориться с интеллигенцией, найти у неё столь необходимые для упрочения своих позиций понимание и поддержку.

Есть и другая причина «несговорчивости» представителей власти духовной. Это то, что А.С. Панарин называет одним из величайших парадоксов социального бытия, заключающийся в следующем: **«духовной власти – непреодолимой власти над душами людей, достигают не те, кто исправно служит носителям политической власти в качестве экспертов или пропагандистов, а, напротив, те, кто тираноборствует, если не в политическом, то в моральном смысле, возвещая моральное превосходство и конечное торжество униженных и оскорбленных»** (выделено Панариным – *примеч. авт.*) [6]. Само собой разумеется, что от такого рода людей трудно ожидать шагов навстречу правящему классу, тем более, терпимости, лояльности и благожелательности по отношению к нему.

И всё же мы абсолютно убеждены, что, несмотря на очевидную объективную невозможность полного слияния власти политически и экономически господствующей элиты с властью духовной, их частичное, а при определенных благоприятных условиях даже существенное объединение осуществимо, а главное, совершенно необходимо для создания сильного и дееспособного государства. Ведь именно духовная власть берёт на себя в обществе основную нагрузку по осуществлению **нормообразующей, объединяющей, целеориентирующей и мобилизующей функций**. А без их успешной реализации сильное государство – не более чем идеал, в полной мере недостижимый на практике.

Обращаясь непосредственно к нашему государству, следует признать, что политику правящей элиты в отношении интеллигенции можно охарактеризовать как непоследовательную, не вполне разумную или половинчатую. Это проявляется в том, что власть весьма активно поддерживает лишь **одну часть данной социальной группы – священнослужителей**, всячески демонстрируя свою благожелательность, почтение, стремление к сближению и сотрудничеству, и вместе с тем в значительной степени игнорирует **её другую составляющую – светскую**, в особенности представителей академической и вузовской науки обществоведческого направления. В данном случае господствующий класс упускает из виду ряд существенных обстоятельств.

Во-первых, значительная часть населения – люди не верующие, а многие к тому же ещё и весьма скептически настроены, если не по отношению к религии (хотя есть и такие), то уж точно к служителям культа. Во-вторых, поддержка политической элитой духовенства нередко и, заметим, вполне справед-

ливо воспринимается как заигрывание с ним, как фарисейство, как бесстыдное проявление прагматического лицемерия. Действительно, трудно поверить в то, что вчерашние ярые атеисты (коих в среде нынешних власть имущих немало) в одночасье превратились в правоверных, истых приверженцев религии. Однако, мы, конечно же, не станем отрицать того, что среди представителей власть имущих есть и люди глубоко, искренне верующие. В-третьих, здесь налицо явная недооценка роли и влияния в обществе светской интеллигенции. И, наконец, последнее. В связи с явно пренебрежительным (а порой и высокомерно-презрительным) отношением господствующего класса к светской интеллигенции возникает чрезвычайно важный и вполне закономерный вопрос: кто же тогда, по его мнению, если не научная интеллигенция, будет осуществлять глобальное социальное прогнозирование¹? Мы, к сожалению, вынуждены констатировать, что политическая элита нашей страны далеко не в полной мере осознаёт пагубность стихийного, абсолютно неконтролируемого и неуправляемого общественного развития. Между тем, совершенно ясно, что глобальное научное прогнозирование крайне необходимо. Его нельзя заменить богоискательством. Без него невозможен прогресс, немыслимо дальнейшее поступательное развитие российского социума, да и всех других государственно-организованных социумов.

«Два прошедших века, – совершенно верно пишет член-корреспондент Российской академии наук, известный политолог Г.Х. Шахназаров (1924–2001), – научная мысль теснила религию и, в конце концов, между ними было заключено своего рода соглашение о “разделе сфер влияния”: науке – умы, Церкви – души, последняя обязалась не претендовать на участие во власти» [9]. Однако на нынешнем этапе истории, по его мнению, наметился ренессанс религиозного сознания [Там же]. И заметим, ренессанс этот, который уже стал реальностью, происходит в мировом масштабе зачастую за счёт сознания научного (в том числе и в нашей стране). Об опасности подобного развития событий власть, как это ни удивительно, не задумывается. Пренебрежение к научному знанию и научному сообществу, игнорирование результатов его исследовательской деятельности, уверенность в собственной правоте, в справедливости и разумности избранного политического курса, самонадеянная позиция, которую можно лаконично выразить словами «мы сами знаем, что и как делать», как ни прискорбно, решающим образом определяют отношение власти к российским учёным-обществоведам (да и представителям других отраслей знания) и результатам их труда.

Учитывая сказанное, мы полагаем, что российской политической элите необходимо коренным образом пересмотреть своё отношение к светской интеллигенции, а именно: обеспечить ей всемерную поддержку и максимально возможное её участие в управлении обществом и государством.

В более общем плане правящему классу нашей страны (как, впрочем, и многих других современных государств) следует переосмыслить и изменить своё отношение к процессам, протекающим в духовной сфере общественной жизнедеятельности. На сегодняшний день российский истеблишмент почти полностью игнорирует процессы духовной жизни общества. Подобное отношение отечественных власть имущих вполне объяснимо. Восприняв вслед за идеологами современного либерализма прогресс, как простую экспансию нынешних сложившихся и устоявшихся тенденций, как «прямолинейное движение или количественное развёртывание вечного *теперь*» (выделено Панариным – *примеч. авт.*), они естественным образом начисто изыали из него качественную составляющую, «отождествив прогресс в основном с научно-техническими и экономическими сдвигами» [10]. Неудивительно поэтому, что забота о духовности, как состоянии разума и души, которому свойственно преобладание нравственных и интеллектуальных интересов над материальными, не входит в число приоритетных задач их деятельности, а глубочайший **духовно-нравственный кризис**, поразивший российское общество, их мало интересует.

Власть над умами и душами людей, столь необходимая современному государству, предполагает не только заботу правящего класса о духовной жизни общества, не только активную поддержку им научной интеллигенции. Эти условия, как явствует из предыдущего повествования, чрезвычайно существенные, но всё же недостаточные. Такого рода власть возможна лишь при наличии целостной си-

¹ «Постановка социальных целей, – справедливо отмечают известные российские учёные С.Н. и Т.Н. Бабурины, – всегда была функцией интеллигенции. Политические события последнего времени показали, что российская интеллигенция вновь вышла из затворничества и ставит перед обществом вопрос о выборе дальнейшего движения». Бабурин С.Н., Бабурина Т.Н. Интеллигенция. Возрождение из пепла // Литературная газета. – 2012. – 12 мая. – № 1 (6395).

стемы концептуально оформленных взглядов и идей, выражающих интересы, мировоззренческие установки, ценности и идеалы правящих кругов, защищающих проводимую ими политику и существующий общественно-политический и экономический строй. Иными словами, сильное государство немислимо без **государственной идеологии**. Безусловно, прав известный американский социолог, создатель теории постиндустриального общества Д. Белл (1919–2011), отстаивающий тезис о принципиальной неустранимости идеологических факторов из общественной жизни [11]. Прав и отечественный философ и политолог А.И. Демидов, полагающий, что любой субъект политики нуждается в идеологии, как необходимом компоненте любого механизма власти, как средстве духовного сплочения и руководства [12]. Разумеется, это, в первую очередь, относится к государству, представляющему собой, пожалуй, наиболее могущественный субъект политики, наиболее действенный механизм осуществления власти, тем более государству, претендующему на то, чтобы считаться дееспособным и эффективным. Российская правящая элита (по крайней мере, её часть), прекрасно осознавая это, предпринимает некоторые, к сожалению, пока ещё явно неудачные попытки по формированию государственной идеологии. Одной из таких уже окончательно провалившихся попыток может считаться инициация дискуссии о так называемой «суверенной демократии».

Не столь уж важно, провозглашена ли государственная идеология официально и закреплена ли она законодательно (что, однако, предпочтительнее) или нет. Главное всё же заключается в том, чтобы она существовала не де-юре, а де-факто и воспринималась, одобрялась и поддерживалась большинством народа. Для этого государственная идеология должна быть научно обоснована, обоснована хотя бы в какой-то, желательно, в значительной степени. Данная оговорка вовсе не случайна. Следует заметить, что научно обоснованной государственная идеология, как, впрочем, и идеология вообще может быть лишь в определенной мере или, если угодно, до известных пределов. В этой связи мы полностью согласны с рассуждениями современного российского философа В.В. Ильина. «С гносеологической точки зрения идеология, – пишет он, – выступает типом удостоверения и признания содержания (истины) по недостаточным объективным (сообщающим универсальность) и достаточным субъективным (идушим от особого характера субъекта) основаниям. В этом – внутренняя общность, родственность идеологии вере, также оказывающейся способом признания содержания (истины) с позиции лишь частной убежденности в его (содержания) справедливости. Отсутствие достаточных объективных (опирающихся на доказательство, обоснование, экспертизу, проверку) и наличие достаточных субъективных (персональные ожидания, прозрения, антиципации) оснований для признания чего-либо истинным делают идеологию разновидностью тенденциозного сознания»². Аналогичным образом высказывается и другой отечественный философ А.В. Логинов, констатируя при этом общность воззрений практически всех исследователей, занимающихся проблемами идеологии: «И сторонники идеологии, и её противники всё же придерживаются одного взгляда на специфику идеологии: идеология – искажённое (классовым интересом, социальной позицией) представление реальности...» [13].

Вместе с тем, очевидно, что в эпоху научно-технического прогресса, повсеместного распространения знаний и образования, секуляризации сознания идеология не может не зиждиться в том числе, а может быть и главным образом на объективном, то есть научно обоснованном восприятии действительности. В противном случае она будет восприниматься как слепая, фанатичная вера, не имеющая под собой достаточно веских или вообще никаких оснований.

Помимо этого государственная идеология должна быть не только чётко и ясно сформулирована и тем самым понятна населению, но и обеспечена целым комплексом разнообразных и эффективных мер по её пропаганде, внедрению в сознание масс (и в том, и в другом, кстати, огромная роль принадлежит опять же интеллигенции). Только при соблюдении вышеперечисленных условий можно рассчитывать на энергичную поддержку этой идеологии со стороны большинства граждан.

² Далее автор кратко останавливается на присущих такому сознанию основных признаках. Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энциклопедический словарь. – М.: Республика, 2001. – С. 73, 74.

Список литературы

1. *Рассел Б.* Власть. Социальный анализ. Цит. по: Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. – М.: Академический проект: Культура, 2005. – С. 922.
2. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 138.
3. *Затонский В.А.* Эффективная государственность / под ред. А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2006. – С. 89, 108.
4. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. – С. 496.
5. *Фукуяма Ф.* Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке: пер. с англ. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – С. 21.
6. *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 29, 51, 52.
7. *Ашин Г.К.* Философское измерение элитологии. Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: в 5 т. (г. Москва, 24–28 мая 2005 г.). – М.: Современные тетради, 2005. – Т. 3. – С. 14.
8. *Парето В.* Компендиум по общей социологии: пер. с итал. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
9. *Шахназаров Г.Х.* Современная цивилизация и Россия. – М.: Воскресенье, 2003. – С. 372.
10. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 6.
11. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. – N.Y., 1973. – P. 34.
12. *Демидов А.И.* Мир политики. Философское измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 186, 187.
13. *Логинов А.В.* Идеология: проблема определения. Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: в 5 т. (г. Москва, 24–28 мая 2005 г.). – М.: Современные тетради, 2005. – Т. 3. – С. 77.

References

1. *Rassel B.* Vlast'. Social'nyj analiz. Cit. po: Halipov V.F. Enciklopediya vlasti. – M.: Akademicheskij proekt: Kul'tura, 2005. – S. 922.
2. *Vallerstajjn I.* Miro sistemyj analiz: vvedenie. – M.: Territoriya budushchego, 2006. – S. 138.
3. *Zatonskij V.A.* Effektivnaya gosudarstvennost' / pod red. A.V. Mal'ko. – M.: Yurist', 2006. – S. 89, 108.
4. *Mal'cev G.V.* Social'nye osnovaniya prava. – M.: Norma, 2007. – S. 496.
5. *Fukuyama F.* Sil'noe gosudarstvo. Upravlenie i mirovoj poryadok v XXI veke: per. s angl. – M.: AST: Hranitel', 2006. – S. 21.
6. *Panarin A.S.* Rossiya v ciklah mirovoj istorii. – M.: Izd-vo MGU, 1999. – S. 29, 51, 52.
7. *Ashin G.K.* Filosofskoe izmerenie elitologii. Filosofiya i budushchee civilizacii: tezisy dokladov i vystuplenij IV Rossijskogo filosofskogo kongressa: v 5 t. (g. Moskva, 24–28 maya 2005 g.). – M.: Sovremennye tetradi, 2005. – T. 3. – S. 14.
8. *Pareto V.* Kompendium po obshchej sociologii: per. s ital. – 2-e izd. – M.: GU VSHE, 2008. – 511 s.
9. *Shahnazarov G.H.* Sovremennaya civilizaciya i Rossiya. – M.: Voskresen'e, 2003. – S. 372.
10. *Panarin A.S.* Global'noe politicheskoe prognozirovanie v usloviyah strategicheskoy nestabil'nosti. – M.: Editorial URSS, 1999. – S. 6.
11. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. – N.Y., 1973. – P. 34.
12. *Demidov A.I.* Mir politiki. Filosofskoe izmerenie. – M.: Norma: INFRA-M, 2016. – S. 186, 187.
13. *Loginov A.V.* Ideologiya: problema opredeleniya. Filosofiya i budushchee civilizacii: tezisy dokladov i vystuplenij IV Rossijskogo filosofskogo kongressa: v 5 t. (g. Moskva, 24–28 maya 2005 g.). – M.: Sovremennye tetradi, 2005. – T. 3. – S. 77.